

Гавриил Серов

Малая земля

«Дневников на войне я не вел» – знаменитый зачин книги «Малая земля», открывшей цикл автобиографических произведений генсека Леонида Брежнева. В свое время эти творения (сочиненные, как говорят, группой безвестных журналистов) полагалось изучать даже в школах, а их «автор» получил высшую премию страны.

Мне никакая такая премия не грозит. Но сел я писать нечто вроде воспоминаний. Тем более, дневников я тоже не вел.

Только речь идет не о личной автобиографии, кому она интересна? Хочется попробовать воссоздать дух давно минувших времен, собрать штрихи прошлого, дабы не потонули в реке забвения, как говорится.

Дела забросили меня в уголок Москвы, где я родился и вырос. Увы, немного осталось примет былого. Понатыканы монолитные громадины, из их подъездов выходят озабоченные граждане, которым глубоко безразлично, что было тут до их счастливого вселения. А было много всякого, под фундаментами новеньких зданий целый культурный слой.

И решил я записать некоторые реалии тогдашней жизни – примерно пятидесятих годов прошлого века. Описать мой район, как «малую землю», каковая есть у каждого.

Вероятно, уместнее, чтобы подобные воспоминания исходили от человека заслуженного, из поколения постарше. Но заметил я: многого и не помнят старшие поколения, не до того было в повседневной суете. У ребенка глаз цепче.

Только это и оправдывает мою дерзость.

Отнюдь не собираюсь я настоящим скромным очерком ничего «доказывать», подгонять под политические тенденции. Представляю фотографически зафиксированные сюжеты, привязанные к памятным ориентирам и пропущенные через тогдашнее восприятие. А уж принять их или отклонить – дело читателя, коли таковой найдется.

Сульфидин

Вот серый двор, куда меня выводят, закутанного шарфом. Стена дома уходит вверх, почти в небо, где болтаются и гремят страшные мокрые сучья деревьев. В поле зрения ребенка близкие, но довольно значительные вещи: мартовские проталины, асфальт в сетке частых-частых трещин, таинственная чугунная блямба, заложенная в стену дома строителями, – с непонятными циферками.

Во что я одет? На голове обычная тогда меховая шапка в виде чепца, под ней платок. Пальто с поднятым воротником, вокруг которого и обмотан шарф. Он перекрещен на груди и затянут вокруг пояса. На ногах – детские валенки с галошами. По нынешним временам – не чересчур ли тепло?

Но дело происходит весной 1950 года. Воспаление легких – роковой приговор, ведь сульфидина достать невозможно. При болезнях оставалось растирать грудь камфарным маслом и ждать «кризиса». И вот знакомые по прогулкам дети куда-то пропадали, а на расспросы – родители отворачивались.

Позже стал доступен пенициллин. Уколы приходит делать на дом медсестра. К ее визиту вешают чистое полотенце: ясно же, что медицинский работник будет тщательно мыть руки.

В те времена двор – понятная часть окружающего мира, ближний его круг. Впрочем, большая часть обозримого пространства и кажется одним «двором», автотранспорт почти отсутствует в роли фактора жизни. Лишь изредка по мощеному камнем шоссе проедет автомобиль. И событие, если машина (обычно грузовик) остановится поблизости. Она облепляется ребятами; спорят, «трехтонка» это или «пятитонка», а кто постарше – читает на капоте горделивую надпись: «Завод имени Молотова». Счастливому избраннику шофер разрешает посигналить.

У меня имеются, конечно, игрушки, главная – тряпчатая кукла (условно мужского пола), называемая Бориской. Еще сломанный будильник, по которому соседка тетя Роня научила меня цифрам.

Есть деревянный конструктор, из деталей которого хорошо строить дома и башни. Самый лучший дом должен быть похож на Кремль. Или на высотное здание, что воздвигается на далеких Ленинских горах, отец показывал его на багровом закатном горизонте. В красивой песне поется: «Дымят пожаром трубы заводские»; трубы-то – вот они, напротив, за руслом Москвы-реки, где днем и ночью работает завод Сталина.

Лучший праздник, конечно, Новый год. Отец приносит елку и закрепляет в деревянный крест. Извлекается самодельная гирлянда разнокалиберных тусклых лампочек, покрашенных выцветшим лаком, а к ним – трансформатор. И игрушки, большей частью из цветного картона.

Иногда вешают на елку конфеты, а то и мандарины, подцепив ниткой. Непонятно, почему взрослые говорят: «конфета», когда на фантике ясно написано «карамель» (вероятно – правильное, ученое название, против обиходного).

Никому не пришло бы у нас в голову – сидеть без сна, дожидаясь новогодней полночи. Сомнительное удовольствие! Нет уж, куда интереснее разбирать коробку с елочными игрушками, припоминать каждую, ведь с прошлого новогоднего праздника минула целая долгая жизнь.

Мать неторопливо рассказывает, откуда взялась каждая игрушка. Их незатейливость не смущает, наоборот: привлекает сама история, чудятся в них предания поколений, будто тайники с маленькими секретами.

И сейчас в нашей семье ставится новогодняя елка, а в магазинах полно украшений модного «дизайна». Но на ветвях обязательно отводится почетное место для старых, наивных и дешевых игрушек – овеществленной памяти о годах и людях, которые никогда не возвратятся.

Робинзонка

Между прочим, читать я начал рано, в три года; научила (по затрепанной азбуке) тоже соседка по квартире тетя Роня. Теперь есть у меня и несколько книжек, зачитанных до дыр.

Во-первых, «Приключения Буратино», особенно нравится харчевня Трех пескарей – потому что там так аппетитно угощаются, и это очень завидно! Во-вторых, «Приключения Травки». Интересная, между прочим, книга. Говоря нынешним языком: об инфраструктуре большого города – для детей.

А самая любимая – «По следам Робинзона». Я называю ее «робинзонка», и когда спрашивают, знаю ли я путешествия Робинзона – уверенно отвечаю, что да.

Книга вообще прекрасная. На тему: как выжить среди дикой природы. Но эта мысль еще трудна для меня. Книга всегда должна повествовать о чьей-то жизни и при-

ключениях, и даже не столько повествовать, сколько таинственно создавать их. А иначе – зачем она?

Восхищает обилие рисунков на полях «робинзонки», по ним я домысливаю историю походов воображаемых героев книги. Наверно, автор, Верзилин, очень удивился бы, услышав ее.

Так, название очередного раздела: «Гигиена и парфюмерия в лесу» – я читаю «Гигена». А поскольку тут же изображены двое за сбором трав, то значит, они и есть мальчики Гигена и Парфюмерия, а глава, без сомнения, должна повествовать об их приключениях в лесу.

Тетя Роня работает инженером, а потому очень богатая: получает чуть ли не восемьсот рублей! У нее целый шкаф книг, которые она дает читать. Оказывается, с тридцатых годов, с тогдашним лозунгом «техника решает все», во многих семьях хранятся книги по авиации и радио. Очень нравится «Ваши крылья» американца Ассена Джорданова, в ней такие забавные картинки, по которым можно тоже фантазировать! Нет сомнения, что я, когда вырасту, стану пилотом.

Но никакие книжки не сравнятся с летними вылазками с родителями на лоно природы. Природу искать не надо, она кругом, стоит отойти несколько шагов от дома, за линейки кустов вездесущей желтой акации (ей обсажены все улицы и дворы). Берутся с собой свежие огурцы, пучок зеленого лука, редиска, соль, бутылка кваса. Располагаемся на траве – «на одеялке». Мать объясняет: вот иван-да-марья, пахучая луговая гвоздичка, лишохвост. Дорожки поросли душистой безлепестковой ромашкой.

С тех пор мы с вами много где бывали, не так ли? Повидали разные страны, чудеса природы. Но вспоминаться будут не они. А солнечный день с молодыми мамой и папой, и с трогательным пучком редиски, вкуснее которой не было.

Американский замок

Двустворчатая дверь нашей квартиры, где живут три семьи, довольно занятная. На ней размещаются: алюминиевая табличка с номером 29 (его вывел самолично масляной краской мой отец), ящик «Для писем и газет», звонок с ручкой и также надписью: «Прошу повернуть». Обилие монументальных тисненых пояснений озадачивает; будто бы гость, даже способный прочесть текст, не сумеет сориентироваться в природе простых бытовых вещей.

Вообще суровая эпоха отрицает гуманитарную недоговоренность; вот и у подъезда висит железный «Список квартиросъемщиков», где я нахожу фамилию матери.

Иногда звонят в дверь нищие, которым мать торопливо сует ломоть хлеба, но в квартиру почему-то никогда не впускает.

И стоит там чудесный замок, про который говорят: американский.

Думаю, он и в самом деле был американским, я такой системы никогда больше не встречал. Части замка входили друг в друга, как сложенные пальцы, а при повороте ключа выдвигались поперечные латунные штифты, сцепляющие половинки.

Надо сказать, в начале пятидесятых слова «Америка», «американский» произносятся с пиететом. Несмотря на корейский конфликт и карикатуры в газетах: дядя Сэм с мешком долларов в одной руке, размахивающий атомной бомбой.

То была политика, которой народ сторонился. А в обычной жизни – нет и сомнений относительно того хотя бы, что американская техника сильно помогла в войне. В цехах работают американские станки, на полях диковинные американские combine – «комбайны». Люди раздобывают американские радиолампы, как ни странно, точь-в-точь подходящие к нашим советским приемникам. Американские вещицы, оставшиеся с военных лет, какие-нибудь пассатижи или ножик – считаются, несомненно, лучшими, их берегут.

Редкие голливудские фильмы – окошко, кажется, в другую, беззаботную жизнь. Отец работает в кинофотоинституте, где копируют технологии американского кино, вроде «блуждающей маски» – traveling-matte, опробованной потом в нашумевшем фильме «Старик Хоттабыч». Мне, малышу, повезло попасть на закрытую демонстрацию метода «синерама»: на широчайшем экране – панорамная картина, создаваемая сразу тремя кинопроекторами.

Везение – достать банку вкуснейшего американского колбасного фарша, с ключиком на донышке. Или еще яичный порошок, из которого мать приготовит незабываемый омлет.

Поблизости, на берегу Москвы-реки (или одного из ее рукавов), большая свалка, к которой ведет ветка грузового трамвая. Конечно, мы, дети, словно сталкеры, наведываемся в эту местность, приволакивая занятные, а иногда и опасные предметы.

И уверяли опытные люди, что на свалке этой есть особая зона (ее даже называли: «американка»), куда якобы высыпают мусор из американского посольства. Местечко драгоценное посторонним не указывали: берегли для себя. Везунчики похваляются заманчивыми вещицами, механической коробочкой для бритвенных лезвий, или лакированной жестяной с яркими заграничными надписями. Восхищает чрезмерность, бьющая через край избыточность пустяковых предметов; великолепный кич, ориентированный словно специально на восторженный ребячий вкус.

Вещи имеют ведь не столько прикладной, сколько магический смысл. Предмет, уснащенный таинственными надписями, тем более приобретает сокровенную силу, как-то передающуюся обладателю.

А американский замок однажды испортился: от грубого удара дверью отломился деликатный металл. Жильцам пришлось сбрасываться на новый механизм, и, конечно, уже советской фабрикации. Подобной дряни я тоже впоследствии не встречал ни разу: «кодовые» пропилены находились в торце жестяного ключа, так что открыть дверь можно было, думаю, любым гвоздем.

Вот только красть у нас нечего.

Перемычка

Дом, в котором живет наша семья, постройки 30-х годов. Именно тех лет, когда моя мать, бежавшая из умиравшей от голода Воронежской области, добралась со своей бабушкой до относительно благополучной Москвы.

Читатель решит, вероятно, что вот сейчас последует занудное изложение фамильной родословной, генеалогического древа. И ошибется.

Во-первых, эти записки – не автобиография, а просто попытка воссоздать реалии прежней жизни.

Тем более, по части родословной, честно говоря, осталось немного сведений. Причина проста: в известные времена (которые некоторым ныне представляются благословенными) люди сторонились своих родственников. Кто угодно мог оказаться врагом народа, кто-то был в плену, многие жили при оккупации. И, не дай Бог, укажут на тебя, как на евангельского Петра. Поставят клеймо: «поддерживал связи».

А уж прародители, безответственно жившие еще до революции, вообще решительно не ничью биографию не украшают.

Потому-то про родных предпочитают помалкивать, а история фамилии (обычно довольно драматическая) не является предметом обсуждения.

О доме. Сказывают, вначале выстроили два корпуса, а после превратили здание в литеру «П», соединив части жилой перемычкой. Поразившее когда-то местный народ словцо «перемычка» застряло в головах так прочно, что со временем прилепилось к получившемуся внутреннему двору. Дети говорят: «пойдем гулять в перемычку».

В перекладине, то есть именно перемычке, солидная аптека с блестящей кассовой машиной, кассирша накручивает приводную ручку. Сюда заходят страшные инвалиды за непонятным «промедолом».

Нечего и говорить, все без исключения квартиры коммунальные.

Мой дед по матери – главбух оборонного института. Фигура, чуть ли не следующая после директора! (Все-таки не получилось обойтись без личных обстоятельств, извините). Со своей второй семьей он проживает в нашем же доме. Изредка бываем мы у него в гости, на правах бедных родственников. Я дивлюсь большому роялю, роскошной радиоле «Урал», вазочке с невиданными конфетами, стоящей в буфете, хотя вроде нету и праздника. Наконец, подстаканникам, в которых подают стаканы удивительно крепкого чая, какого у нас почему-то не водится.

Дед живет при всем том в единственной комнате; в квартире проживают еще две семьи! Это не удивляет: а что такого, обычное дело.

Иные живут и в подвале – ну почти, поскольку есть все-таки окошки, выходящие в приямок, где вечно скапливается всякий мусор. Наша-то комната прекрасная, на третьем этаже, с балконом, 15 метров (на пятерых). Летним утром будит сначала оглушительное чириканье воробьев в «перемычке», а потом гудок завода имени Сталина.

В 1961-м построили рядом, на подсыпанном обрыве, дом из панелей. Мы еще не знаем, что он – «хрущевка» или даже «хрущоба». Конечно, потолки в нем пониже, и странный «совмещенный санузел»... Но это же новый дом! Новостройка, словно в прославленных Черемушках.

И оказалось, в нем мы получаем квартиру. Почему квартиру – комнату, наверно? Не укладывается в голове, что семья может занимать одна целую квартиру, да и зачем?

Скарб перетаскивается с торжеством, старый диван отлично скользит по облещенному асфальту. Огорчило одно: прямо у новенькой двери подъезда по светлым плиткам панели кто-то вывел известное русское обозначение гениталий. Три огромные буквы намалеваны черным строительным варом.

Попытки жильцов отскоблить непристойность ни к чему не привели. Вся последующая чуть ли не полувековая история дома сопровождалась борьбой с похабной надписью. Минимум раз в сезон замазывали ее квадратом дичайшего цвета; но множество слоев масляной краски отшелушивалось по весне, вновь являя миру короткий и крепкий вердикт неизвестного строителя.

Несколько лет назад дом снесли, вместе с тем, первым. Вместе с той самой перемычкой. Чтобы возвести на месте бывшей окраины (ныне ставшей близким к центру лакомым районом) новое дорогое жилье.

Когда ломали дом, последней упала плита со скабрзными литерами.

Саратовский газ

Вечером, ложась спать, требую я от матери: расскажи сказку. Та начинает что-то рассказывать, потом язык заплетается, и лепечет она, засыпая, какую-то чушь... Я смеюсь и сержусь, мне кажется, она нарочно притворяется.

И только позже понял, как тяжело приходилось родителям.

Утром поднять детей и собраться самим, вскипятить чай на керосинке. В ванную (с холодным краном), в туалет – очередь соседей.

Детей – закусать, на санки и в садик, самим на работу.

Вечером забежать в магазин, приготовить ужин, подогреть воду, застирать детские вещи – в корыте, на доске. Приготовить на завтра обед.

Хорошо, если зима: можно сварить суп на несколько дней и выставить кастрюлю на балкон. А летом, в жару ведь ничего и не запасешь!

Единственный выходной день тоже посвящен хозяйству. Во-первых, снова к магазину: теперь уже занимать на его заднем дворе, пропахшем рассолом, очередь за яйцами. Шли семьями, чтобы товар отпустили на всех. Стоять предстоит долго, дети (с химическими номерами на ладошках) играют поблизости. Наконец желанная очередь подходит.

Едем в трамвае на Даниловский рынок. Хорошие хозяйки знают – выгоднее приехать как можно раньше. Чудесно потом с рынка, минуя развалюхи и лабазы, пройти в «Даниловский мосторг», присмотреться к товарам. На прилавках изобилие: тяжкие рулоны габардина, меховые горжетки с лисьими мордами, мужские галоши и женские ботики, пыльники, патефоны и пластинки, целлулоидные расчески и веера. Для галош продаются блестящие металлические букочки. Впечатляют восхитительные круглые лестницы на верхние этажи.

В воскресный день надо мыть полы – у себя и (в очередь с соседями) в местах «общего пользования». Ставить на керогаз оцинкованный бачок: кипятить белье, для кипячения покупаются в лавке (трудно выговорить) – тринатрийфосфат. Мыть детей, и как-то помыться самим. И много еще всякого.

Разумеется, дети привлечены в помощники, хотя бы выносить мусорное ведро на помойку. Вот являюсь я в лавку за керосином: керосинчик вставляет металлический жетон в прорезь железного аппарата, перебрасывает рукоять, в бутылку выливается ровно литр керосина. Я восторженно мечтаю, что, когда вырасту, наверно, тоже буду продавать керосин.

Однажды разносится слух, что в дома собираются проводить «саратовский газ». Толком никому ничего неизвестно. Близ шоссе появилась газовая станция со странными металлическими цилиндрами. В квартиры потянулись трубы.

Наконец привозят плиту, та с трудом помещается на тесной кухне, где у каждой хозяйки свой маленький столик. Плита, конечно, делается предметом пристального исследования, со своими странными изогнутыми патрубками и откидными подставками. На стене повис похрюкивающий счетчик, в его петельки приходящий газовщик будет вкладывать заполненные «жировки» на оплату.

Сюрпризом оказалась газовая колонка: ведь только теперь, собственно, ванная и могла использоваться по прямому назначению. Жутковатыми кажутся трубы, черный дымоход, никелированный аппарат, в котором как-то опасно взаимодействуют огонь, вода и газ... Зато чудесно помыться по-настоящему, да и со стиркой проще.

Пошли глухие разговоры, что в самом центре Москвы от газа взорвался дом, потом – еще один. В газетах, конечно, ничего такого нет.

Поначалу опасались сразу избавляться от керосиновой утвари, части керогазов пылились среди хлама, впоследствии подевались куда-то... Но в лавке долго еще продавали керосин: за ним приходили жители близкой деревни Новинки, обитатели бараков и им подобные бедолаги.

Со временем исчезли и эти остатки прошлого.

Сел и съел

Портрет товарища Сталина встречает нас, детей, прямо в детском саду. Рядом с ним под стеклом – «Режим дня». Я читаю: *режем*, и отношу это к нянечке, которая прямо под указанной таблицей нарезает к обеду хлеб. На второе дают картофельное пюре и маленький ломтик селедки; если селедку измельчить и перемешать с картошкой – очень вкусно.

Когда я пришел впервые в детсад, мне, как грамотею, выделили особый шкафчик: вместо яблочка или вишенки, как у прочих – на наклеенной картинке изображен малолетний едок, а под ним надпись, которую я легко прочитал: «сел и съел». Вообще-то даже несколько обидно.

Основная доминанта существования для нас – минувшая незадолго война.

Кто воевал; кто вернулся из эвакуации, из Кемерово, и все вспоминает, чего недо считался в опечатанной квартире. Шепотом говорили даже, каковские именно обокрали, да ведь разве сделаешь что?

Еще иногда донашивают обмундировку. Украшением бедноватых комнат служат привезенные из Германии вещи. Ребятишки рассматривают родительские медали.

Во дворах играют в «наших» и «немцев». Калеки просят милостыню на рынках.

Детям указывают, куда в 1941-м упала бомба, разрушив часть дома. Где (в недале- ном Коломенском) стояла зенитная батарея, и разматывали с лебедок тяжелые тросы аэро- статом заграждения.

Да и на серых стенах домов угадываем мы надписи мелом, стрелки – явно с воен- ных лет.

На промышленных объектах красуется камуфляж, какие-то ложные окна, намале- ваннные, дабы сбить с толку немецких летчиков. В укромных местах можно свободно нат- кнуться на сгоревший военный автомобиль, корпус авиабомбы, подобрать гильзы зенит- ного пулемета.

Но вот что удивительно: никто из вернувшихся фронтовиков не повествует ни о ка- ких геройских подвигах и победах. И никто не ждет таких рассказов.

Рассказывать начали позже. После неожиданно пышного празднования годовщины Победы в 1961 году. Когда вышли книги Симонова и других, и стало понятно, в каком духе излагать войну.

А тогда фронтовики помалкивали. И пили водку. В пьяном виде высказывали у них речи, которые они, протрезвев, умоляли забыть. Да и «День победы над Германией» отме- чается пока лишь короткой строчкой на черном листке отрывного календаря.

Поколение, родившееся перед войной, – целиком в сегодняшнем дне; девушки, кончающие семилетку, наглаживают белые воротнички к синим платьям и мурлычут из оперетты: «Разговор на эту тему портит нервную систему»...

Товарища Сталина видим мы только на портретах. Однажды мельком довелось на трибуне Мавзолея – во время демонстрации. Именно в единственный первомайский день, после прохождения Красной площади, когда народ расслабляется, и серьезное мероприя- тие переходит в гулянье, можно купить у цыганок великолепные мячики на резинке, с яр- кой цветной фольгой.

Но жизнь непростая задевает и нас, малолеток. Мы отлично знаем, что есть некото- рые вопросы, которые не следует задавать взрослым. Когда воспитательница говорит, что вот этот мальчик, известный под фамилией Иванов, отныне будет Петров, никто не ин- тересуется – почему. Мы ощущаем: в стране и вокруг происходит нечто опасное, что по- лагается знать только старшим. С детской чуткостью улавливаем и растерянность стар- ших, затаенное бессилие перед неназываемым.

Между прочим, прошли десятилетия, а наш старый двухэтажный детский садик все стоит! Теперь в нем (после пафосной реконструкции) – офис одной из богатых «углеводо- родных» компаний. Но сгинет напыщенная фирма, уберут претенциозные корпоративные флаги – никто и не вспомнит о временном жильце. Только улыбнется иной прохожий: «Вот в этом доме, помнится, я сиживал на горшке».

Би-би-си

Всегда приходила в нашу квартиру печать. Принято, что по-правильному нужно получать газету и журнал. Под журналом разумеется «Огонек», мы и не подозреваем о су- ществовании каких-то иных.

Почтальон разносил все очень рано, и, проснувшись воскресным утром, можно вернуть вынутый отцом из ящика свежий номер. На обложке, конечно, портрет вождя, внутри – фотографии Берия, или членов Президиума ЦК, идущих по алфавиту, причем в начале списка стоят уж совсем никому неведомые: Аристов, Беляев, Брежнев...

Страницы журнала кричат о том, что в мире не дремлют враги мира. Клика Тито, Эттли, Чан Кай-ши, потом Малайя – все это не очень понятно, но вызывает гордость за наше правительство, надежно ограждающее свой народ от всякой нечисти.

К счастью, имеются у нас и друзья. В каждом номере пишут про великую дружбу с Китаем. По радио звучит песня «Москва-Пекин»: «Сталин и Мао слушают нас». Мелодия нарочно сочинена так, чтобы на нее, наряду с русским, хорошо ложился отрывистый, односложный китайский язык.

Очень смешны сатирические памфлеты: нелепые похождения незадачливых милитаристов, какого-нибудь карикатурного «генерала Бизнесхауэра». Хочется поделиться восторгом с родителями, и удивляет, что они к этим сюжетам как-то странно равнодушны. Да еще переглядываются, будто хотят сказать: вот вырастешь – поймешь... Что поймешь?

Нравятся рассказы о славной и уютной жизни в СССР, особенно убеждают рисованные картинки. В конце номера всегда можно найти заметки о курьезах науки и техники. Вот новейший аппарат со странным названием «магнитофон». Пластические массы, из которых обещают выделывать вазочки, в точности как хрустальные, и даже еще красивее. Но только легче, и (трудно поверить!) совершенно небьющиеся.

Одной сумрачной зимой вдруг что-то произошло. Сменился тон в журналах, исчез юмор. Начали печататься суровые сообщения о врачах-вредителях, родители почему-то припрятывали номера подальше от детей. Нечто назревало. Добрейшая Роня Абрамовна ходит, втянув голову в плечи. В шепоте взрослых иногда слышится: «Би-би-си». Никто не знает толком, почему «би-би-си», и что это, собственно, значит. Но улавливаются в странном слове посвистывания дальнего запретного радиоэфира, пробивающиеся через рокот «глушилок».

Мартовским утром мать говорит: «Запомни этот день, сегодня умер Сталин».

Я запомнил. Память-то у меня хорошая.

Говорят, люди плакали; наверно, это так. Я не видел, чтобы кто-то плакал.

Институт

Район считается отдаленным, до войны тут была, кажется, даже и не Москва. С городом связывает нас трамвай.

Трамвай уже издали обозначается своими огнями: каждой цифре соответствует цветовой код, так что понятно, какой номер подходит; правда, у нас ходит только один номер – 47-й. Кондуктор дергает за шнурок, у кабины вагоновожатого брякает тяжелый звонок, вагон трогается.

Билет стоит 30 копеек, деньги значительные, уж лучше накопить рубль десять копеек и купить вкусное эскимо на палочке (и еще останется фольга – «золотце», годящееся для обмена на что-нибудь). Но прокатиться пару остановок можно ведь сзади на буфере, не правда ли?

Трамвайные сети были тогда обширными, маршруты длинными. Наш 47-й позволял пересечь весь город с юга на север, до самой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

Посещение выставки (нечастое) – настоящий праздник. За скромную цену входного билета получаешь немыслимое право свободно зайти в любой павильон-дворец, в оранжереи, розарий. Высоко ценятся выставочные гастрономы, где, уверяют, можно купить экстраординарный товар. Люди рассуждают: выставка ведь, туда, конечно же, завозят самое лучшее.

И на каждом шагу продают здесь неописуемой вкусноты сосиски в тесте.

Однажды поехали мы с отцом. И просила нас мать посматривать, не будут ли продавать смородину (потому что пришло время заготовок на зиму). Проходя по выставке, видим, точно – очередь, и явно за смородиной: стоят одни женщины. Ну и заняли. Не обратили внимания, что посматривают на нас осуждающе... Курьез, конечно.

Если надо пересаживаться на метрополитен, то полагается ехать до Калужской. Тоже праздник:ходишь в мраморный дворец, в кассе надо купить билетик и предъявить при входе. В метро стоит всегда особенный чудесный запах (только позже я понял, что это запах креозота от пропитанных шпал).

Впрочем, ездить куда-то приходится нечасто. Сердцем нашего района является Институт. Его все так и называют.

Это знаменитый НИИ-6 Наркомата боеприпасов. Именно его и прикрывали в войну зенитки в Коломенском. Как раз на его сооружениях красовались буфафорские окна.

Практически все вокруг принадлежит Институту. Детский сад, клуб «Знамя», куда бегаем в кино. И почти все жители работают в Институте. Впрочем, ездит кое-кто на завод имени Карпова (сейчас Брынцалова). Есть карповский садик, карповские дома. Низший разряд...

Вся жизнь моей матери прошла в Институте. По вечерам обсуждают сложные институтские обстоятельства, нам, детям, совершенно непонятные. Чаще всего слышатся слова: «Мильчаков» (это начальник отдела) и «выслуга».

Крупные предприятия всегда были очагами соцбыта. Собственно, и дом-то сам институтский: даже ремонт озадачиваться не приходится, раз в два-три года приходят мастера из ЖКО, намазывают мочалом на стены меловую краску, по ней прокатывают резиновым валиком, нанося серебрянкой превосходный изящный рисунок. Когда я читал в чеховской «Каштанке» про комнату «с грязными обоями», то совершенно не представлял себе, что такое обои.

Детский сад, садовская «дача», лагерь – все институтское и доступное. Даже о воскресном отдыхе заботится таинственный и всемогущий местком. Летом устраиваются «массовки»: семейные выезды в крытой брезентом машине на поляну, к реке. Институтская буфетчица разворачивает столики с вкусной шипучей водой «Золотой ранет», начальник связи института запускает передвижку, из репродуктора льется музыка – ну разве не благодать?

Но случалось и иное, тайное и жуткое. Содрогались стекла, страшно грохало там, за высокими заборами, за колючей проволокой. Устремлялась в ворота колонна машин «скорой помощи». Моя мать, хоть и не была на фронте, повидала такое, чего не стоило бы видеть людям.

Институт стоит до сих пор. Обросший в 70-е новыми корпусами, сейчас захирел, растерял и все свое достояние, и прежний авторитет.

Зоя Космодемьянская

Наша школа долго была единственной в округе. Потом появилась и вторая; но нашу, главную, всегда называли «красная школа». Таких кирпичных четырехэтажных зданий до сих пор много по Москве: типовая «школа-госпиталь» с бомбоубежищем; в войну эти школы успешно использовались по своему второму назначению.

Для нас, малышей, школа – пока заманчивое будущее. Перед зданием на постаменте каменный художественный истукан, «школьница» с портфелем. Спрашиваю у матери:

— Мам, это кому памятник?

— Зое Космодемьянской, наверно...

Ага, думаю, значит, училась она здесь.

Множество наших игр затевается вокруг школы, и местный сторож, «дед», гоняет нас с метлой. Дед живет тут же, в школьном здании – обычное дело в то время.

Но вот приходит заветный день, куплена форма с ремнем и буквой «Ш» на пряжке, фуражка, портфель, деревянный пенал, перышки... Мне, право, неловко: будто я пересказываю набившие оскомину воспоминания о сборах в дореволюционную гимназию. Но что поделать: в 50-е годы и форма школьная, и порядки, по чьей-то странной прихоти, были копией старых гимназических. И даже отдельное обучение полов отменено только что.

Жизнь, сконцентрировавшись теперь в школе, обозначилась стороной, ранее выпадавшей из поля зрения. Оказывается, наряду с полушерстяной школьной формой, существует ее убогий хлопчатобумажный вариант, и некоторые родители способны оплатить только его. Иные из одноклассников совершенно не в состоянии учиться, ничего не усваивают. Постепенно такие вымываются из школы и исчезают; куда – мы не задумываемся.

Но какая ни была форма, вскоре она уже покрыта пятнами чернил. В тех же пятнах наши руки и лица. Фиолетовые чернила разливает в чернильницы по утрам «дед». На уроке труда первым делом мы мастерим лоскутные «перочистки»... Однако я снова, кажется, скатываюсь на «Кондуит и Швамбранию» Кассиля.

Ладно уж, доскажу о пишущих приборах, тоже ведь своего рода история. Классе в шестом – постепенно, сначала для отличников, вводят «самописки», строго «с открытым пером». Грязи меньше не стало, авторучки были дешевле, лопались и подтекали, а если вдруг кончались чернила – перекачивали от соседа по парте. Позже, в середине шестидесятых, появляются шариковые – пока еще громадный дефицит. Мы в 11-м классе, нам дозволяются вольности. Предмет общей зависти – многостержневые модели, с множеством цветов. Пройдет пара лет, и Москва покроется сетью палаток «Заправка шариковых ручек».

Возвращаясь к 50-м годам, упомяну только одно: с точки зрения школьных порядков, на первом месте стояла дисциплина. Четверка по поведению означала не «хорошо», а чрезвычайный случай, вызванный тяжким проступком. Тройка, как объясняли, – предупреждение об исключении.

Нашу строгую директрису панически боятся даже родители. Вот выстраивает она нас, первоклассников, в шеренгу: что-то набедокурили...

— Товарищ Сталин учит, что кругом враги... Где же они? А вот они, враги! — указывает на нас, детишек. Тут иные и штаны намачивали.

Что сейчас с «красной» школой? Стоит, и даже пристроен к ней новый спортзал. Только цементной «Зои Космодемьянской» на постаменте давно уж нет.

Тамбовский и воронежский

Наш человек не слишком удивится тому, что семья, где двое взрослых имеют квалифицированную работу, может быть бедной. Бедность вокруг была нормой, не воспринимаясь как-то трагично. Роскошные вещи на прилавках ведь и не предназначены всякому, а только людям, имеющим заслуги.

Неудивительно, что в послевоенные годы каждая семья выращивает картошку на клочке земли, и жалкими огородиками поделен весь речной берег. В крутой части держат даже погреба. Осень – это запах дыма от тлеющей ботвы.

Питание скудное, но тогда казалось нормальным. Толстые серые макароны – отличный ужин, особенно если с маслом. На крайний случай выручала тюря – вода, лук, постное масло и призадохший черный хлеб. Магазиновые котлеты – лакомство на воскресный обед.

Покупали кофе «Новость» из ячменя и цикория. О том, что существует другой, настоящий кофе, я узнал много позже.

Разумеется, постоянно хотелось есть. Тянули в рот незрелые ягоды, черный паслен.

Мать моя, хотя родом из села, старательно ловит приемы «московской» кухни, и вообще склонна к кулинарным экспериментам. И вот являются на нашем столе голубцы в листьях липы, варенье из физалиса. Она в числе первых пробует рецепты, перенимаемые рачительными хозяйками друг у друга. Например, искусственная «красная икра», для которой следовало повернуть в мясорубке селедку, вареную морковь, плавленый сырок «Дружба» и что-то там еще.

За продуктами ходим мы в гастроном № 37. Раньше на вывеске стояло: «Продовольственный магазин». Потом все стали «гастрономы» (ну нет совершенно у нас аналога слову «Foods», даже и в царское время писали: «Припасы» – столь же нелепо, как теперешнее «Продукты»).

Магазин кажется огромным храмом продовольствия, таким же торжественным, как и само перекатывающееся слово «продовольственный». Вошедший попадает к мясному отделу: на стене – схемы разрубки туш, «Ассортиментный минимум», а также «Нормы отпуска товара в одни руки», неизменная примета социализма. Колоссальных размеров мясорубки извергают горы яркого фарша, который мать (странно) никогда не берет.

Далее гастрономический отдел с колбасами, ветчинами и сырами. Народ скользит равнодушным взглядом по пирамидам банок с крабами, паштетами, и покупает сто граммов дешевого зельца. Я спрашиваю, глядя на витрины:

— Мам, а в чем разница окорока: тамбовского и воронежского?

— Не знаю, сынок, не пробовала: нам не по карману ни тот, ни другой.

О холодильниках никто не ведает; масла, сыру, колбасы берут по 100-150 грамм в «пергаментной» бумаге.

— Вам порезать или кусочком?

— Порежьте, конечно: дома-то не нарежешь так ровно...

В витрине молочного отдела кумыс в бутылках, о нем я читал в толстой книге «Манас Великодушный».

В самом конце – овощная секция. Лотки с простой квашеной капустой и вкуснейшей (но малодоступной) «провансаль». Соленые огурцы вылавливает из страшной бочки продавец в резиновом фартуке.

Чаще всего спрашивают картофель. Продавщица отодвигает дощечку, и из стены выплескивается на весы поток картошки.

Советский гастроном 50-х фундаментален; покупатель не должен видеть, откуда берутся товары. Нам, детям, кажется, будто магазин напрямую присоединен к неким закромам родины, где всегда в изобилии и картофель, и красивый говяжий фарш, и постное масло, льющееся из крана, встроенного прямо в стол, и черный хлеб с бумажным пояском, волшебным являющийся изнутри полок.

Магазин словно сообщается с экзистенциальными основами самого бытия. Никакие нынешние роскошные супермаркеты уже не вызовут этого странного чувства.

В сумасшедшие 90-е годы вечный, как могучий СССР, гастроном – вдруг закрылся. И явился вместо него блестящий «Олби дипломат». С двумя кассами: рублевой и валютной.

Постепенно заносчивый «Олби» скукожился до одной секции, а после тихо скончался. Сейчас в бывшем тридцать седьмом – что-то невнятное, не стоящее внимания. Жаль, конечно.

Пивной зал

Примечательное место нашего района – пивная, где отцы собираются после работы. Сейчас-то дамы хлещут пиво не хуже мужчин. Но в то время женщине появиться в пивной было немыслимо. Точнее, женщину можно было увидеть там только в одной роли.

— Вы тут не видели моего? Получку должен сегодня получить...

— Не волнуйся, Миша с Петром его повели. Доведут, небось. А уж что пропито, то пропито.

Вот начинают собираться завсегдатаи: разбиваются по тройкам. За мраморным столиком и умещается трое.

Само пиво – слабое, по стандартам тех времен, и не слишком вдохновляет, желательно взять к нему «четвертинку» водки. С ней ловко управляют: обстукивается сургуч, затем умело выбивается картонная затычка.

Получив кружку, полагается сдуть пену на заплыванный пол. Нас, детей, это поражает: разве пена – не самое вкусное? Когда мать подает нам стакан газировки, то говорит: пей скорее, пока есть пузырьки...

К слову, газированную воду с тележек продают на каждом шагу. В ящике – «сухой лед», ведь здесь же и точка продажи мороженого. На штативе стеклянные цилиндры с сиропом и конусы с соками. Вода без сиропа пять копеек, с сиропом – от 30 до 45 (смотря какой сироп). Сама вода берется из водопровода; не пришло бы в голову, что она какая-то неправильная, негодная для питья.

Впрочем, вернемся в наш пивной зал. Вначале отхлебывают пиво, потом доливают в кружки из «четвертинки».

Для закуски можно купить воблу, а иногда и раков. Но таких богатых не находится: пиво посыпают солью, от крупинок тянутся вверх цепочки мелких пузырьков.

Меж ног пьющих суетятся калеки на тележках, и вообще разного рода изгои общества, вроде лилипутов. Приличным считается недопить, оставив на доньшке этим ущербным, за что можно получить от них мелкие услуги, вроде приноса свежих кружек.

Странное времяпрепровождение, не правда ли?

Наши отцы были в предвоенные годы молоды. Жизнь в крупных городах налаживалась, а в Москве – даже несколько обуржуазивалась. Стал популярен спорт, во многих семьях можно было увидеть теннисную ракетку, волейбольный мяч. Иные хаживали на охоту. Посещали театры, танцевальные вечера.

После войны, мечталось, тем паче настанет лучшая жизнь, но этого не случилось. Обессиленная страна продолжала надрываться, копя оружие. Колхозы разорены и бесправны. Здоровье подорвано военными бедствиями.

Часы, проведенные над кружкой, с собутыльниками – своеобразный релаксant. Вроде аптечного промедола для инвалидов. А пивной зал – пусть убогий, но «клуб», где тебя уважают в качестве своего, понимающего, да и самого поймут. Давал он возможность на время забыть о тоскливом бессилии, укоряющих глазах жен, отвлечься от повседневной битвы за жизнь, от несбывшихся надежд.

Уже при Хрущеве знаменитый пивной зал закрыли. Появилась на его месте «Домовая кухня». То были времена натужной реанимации коммунистических утопий: зачем вести по старинке индивидуальное хозяйство, если можно просто брать общественные обеды на дом в судках. Пусть лучше советская семья имеет досуг для культурного роста – на концерте Гарри Гродберга или хоть в библиотеке.

Это угловое место еще много раз меняло профиль, нынче там продовольственный магазин.

Пивная же переместилась поначалу в неказистую дощатую палатку, возле которой толпились мужики, ожидая привоза свежего бочкового. Конечно, ни воблы, ни раков уж не было.

А потом и эта палатка пропала.

Лежачего не бьют

Матери наши ворчат, что «улица портит». Тем не менее, мы постоянно на улице, не в тесных же комнатах толочься.

Униформа для лета: сатиновые шаровары; различались только – черные или темно-синие. И еще: выйти из дома без головного убора, все равно, как без штанов. Взрослые и дети – надевают кепки либо тюбетейки. В крайнем случае, каждый умеет свернуть газету таким образом, чтобы вышла импровизированная тюбетейка. Представьте себе, головной убор из газеты никого не шокирует!

Для девочек и совсем маленьких шьют панамки – кусок белой ткани в форме самолета: концы собраны на одну пуговку, получается легкий головной убор с двумя дырками – для вентиляции.

Зимой ватное пальто (из которого давно уже вырос) и тоже шаровары, только теплые. Извините за подробность, но мальчики, как и девочки, носят «лифчики» с резинками (а иначе как же чулки-то)? Старая одежонка не смущает, в подобной щеголяют все вокруг. Наоборот, стесняешься нового, модного. Чтобы не сочли, что пай-мальчик, маменькин сынок.

Вспоминая сейчас наши уличные игры, понимаю: они были очень правильными.

Зимой – лыжи, коньки, санки, благо нет проблем, где бы с этим добром пристроиться (не на улице Горького живем, как-никак). Катаемся до упаду, домой заявляешься в ледяных корках на свалывшихся байковых штанах.

К слову, об улице Горького. Теперь странно, что некто может проживать прямо-таки на Тверской; разве только из самозванной нынешней «элиты». Долгое время было иначе. Внутри Бульварного, Садового кольца и дальше – все было забито бесчисленными коммуналками. Ничего завидного не видели в таком местожительстве.

Вообразите холодную комнату на первом этаже обветшавшего дома в Козихинских переулках, с метровой толщины сыроватыми стенами, банка «чайного гриба» на необъятном подоконнике, неопрятный двор с мусорными бачками, в лучшем случае чахлый палисадник. Где-нибудь на Петровке – душноватая комната седенькой старушки, чудом сохранившейся от старых времен; прилежной посетительницы всех спектаклей филиала МХАТ, у которой пыльные программки аккуратно сложены рядом с флаконом из-под духов «Кармен», треугольной коробочкой пудры «Лебяжий пух» и сломанным биноклем.

Но я отвлекся. Весной, лишь только пообсыхал асфальт, выходим играть в «чижика» – этакий дворовый вариант заграничного гольфа. Летом футбол в песчаном карьере: очень удобно, потому что мячик никуда не залетит. «Сталкивание» (на бревне или кирпичном бортике): двое передних пытаются спихнуть друг друга, а команда, тоже балансируя, держит сзади – каждый своего. Упавший отправляется в хвост шеренги.

К темноте собираемся во дворе вокруг скамейки, под тусклой лампочкой, загадываем названия фильмов (их немного, и потому отгадывается легко). К этому занятию присоединяются и девочки, днем-то у них свои, девчачьи игры, наподобие «классов». Не может быть и речи о сквернословии, и даже в самых испорченных компаниях шикают: «тише, девчонки идут».

Наперечет известны отъявленные хулиганы; шепотом говорят о настоящих блатных, ворах. Сфера их интересов где-то там, в местах, нам неведомых. А здесь, где проживают, они даже дают укорот местной шпане. В самом деле, ни к чему им навлекать повышенное внимание «мусоров».

Те, кто втянулся в «плохую компанию», вполне отдадут себе отчет, что выбрали кривую дорожку. Удерживают от того же мальцов, не говоря о своих младших братьях, даже бьют нещадным боем – в воспитательных целях.

Случаются не слишком мирные развлечения: драки дом на дом. Что ж делать, коли затронуты вопросы чести: например, стало известно, что трое из 14-го дома напали на одного из нашего, 12-го. Битва происходит тоже по-рыцарски, говорят: лежачего не бьют. Сражение оканчивается тем, что выскакивает кто-то из старших мальчиков (кого все страшно боятся) и разгоняет воюющие армии.

Передают ужасные рассказы про другие, опасные районы. Считается, что в Марьи-ну рощу нельзя совать и носа. Дурной славой пользуются почему-то Сокольники: будто бы, стоит только туда попасть, тут же подходит серьезная компания:

— Чей будешь? Авторитет имеешь, по фене ботаешь? Федю знаешь?

Советуют, что если сказать: знаю Федю, то дело еще может обойтись миром.

— Ладно, ребя, не трогайте его, он Федю знает.

Через место, где располагался песчаный карьер, проходит сейчас шумный проспект Андропова. Не знаю, куда ходят нынешние дети играть в дворовый футбол.

Трон Ивана Грозного

Религия не занимала в той жизни заметного места, да и чьих-то мыслей. Я, к примеру, человек вообще некрещеный. И не поощрялись такие занятия.

Лишь редкие богомольные старушки посещают церковь в Коломенском – единственную в обозримом пространстве. Мы, дети, иногда глазеем на этот странный мирок, из любопытства. Только позже я специально разузнал, что это за церковь: Казанской иконы Божией матери (а тогда не интересовало никак).

В Коломенском нас больше привлекают другие памятники – неухоженные, заброшенные. К подобным вещам детей всегда тянет непобедимый инстинкт продолжения эстафеты истории, сохранения памяти поколений, а вы не знали?

Та же церковь Вознесения. Сам храм надежно затворен, но мы бегаем по галереям «подклета». На стороне, обращенной к реке – выложено из камня нечто, напоминающее нелепый трон; у нас считается, что это «трон Ивана Грозного».

Очень интересно топтать ногами под сводами подклета: звучит короткое металлическое эхо, дающее пищу для разговоров о закопанном золоте.

В неприглядном состоянии и дальний храм Усекновения главы – на той стороне Голосова оврага. Здесь, у крутого обрыва, располагается кладбище с замшелыми плитами. Очень любопытно разбирать древние надписи, воображать людей, чьи имена выбиты на камне! Тем не менее, здесь хоронили еще относительно недавно; однажды показала мать могилу своей бабушки.

Больше народу тянется в Коломенское на пасху (бабки говорят: «паска») – с куличами и прочими атрибутами. Но для множества семей пасха ограничивается традиционной покраской яиц (а о Рождестве и вообще не слышали). Крашеные вареные яйца выносят во двор – похвастаться, и, в конце концов, с удовольствием съедают.

Кстати, о праздниках вообще. Для торжественного застолья головное блюдо – пироги: и дешево, и не буднично. Моя мать отлично делает капустный с яйцом и скороспелый дрожжевой «гости у порога» с вареньем, а тетя Роня – какие-то особенные рулеты с корицей. Ставят на стол селедку с луком, сыр, вареную колбасу (лучше бы, конечно, докторскую). Банка шпрот – большая редкость, но вполне уместны и желанны любые консервы. Старательная хозяйка непременно приготовит винегрет. Для селедки сделает горчичный соус. И подаст графинчик с водкой, настоянной на лимонной корке.

Для детей – кутить так кутить – покупают бутылку слабого шипучего сидра и неизбежную карамель «Фруктово-ягодный букет».

В дореволюционном городском обиходе готовила наемная кухарка; в описываемые времена домработница полагалась лишь партийным чинам и людям заслуженным. К слову, домработницы имели трудовые книжки, и шел им рабочий стаж. Но культурная эстафета обязывала, и люди пытались в какой-то мере сохранять усвоенные от своих предков стандарты стола, хотя мало-помалу упрощая их. И только вынужденно служили теперь сами себе прислугой.

Но возвращусь к Коломенскому: оно давно стало роскошным музеем-заповедником. Не идет и речи, чтобы какие-то детишки неорганизованно шныряли по памятнику истории и напропалую фантазировали об Иване Грозном: все, что положено, следует читать на стендах. Некоторое время назад (еще при социализме) вдруг выяснилось, что и кладбища уже нет, сровняли с землей – с варварской бесцеремонностью.

Стихийно стали люди отыскивать места упокоения своих родных, отмечать фанерными табличками. Иным удавалось собрать расшвырянные обломки могильных плит.

Раньше мне было круглым счетом все равно. А сейчас думаю иногда: интересно узнать, где лежит моя прабабка? Я бы сходил навестить.

Церковь Вознесения капитально отреставрировали. Как-то там теперь трон Ивана Грозного?

Клуб «Знамя»

На кино все окрестные жители ходят в клуб «Знамя». Слова «кинотеатр» не слышал почти никто.

Первая кинокартина, которую довелось посмотреть с родителями – «Семеро смелых». Я был мал и сюжета не осознал, но некоторые сцены хорошо запомнились.

Позже кино – любимое развлечение. Детский билет 50 копеек, еще тех, дореформенных. Мы, ребяташки, готовы ходить на что попало, а потом с наслаждением припоминать: «а этот этому как даст!»

Разумеется – кроме фильмов «до 16 лет». Старшие говорят между собой: понятно, что картина для взрослых, она же «по роману»! Господи, да фильмы, которые по тогдашним пуританским понятиям казались недоуздочными, сейчас – чуть ли не детские. Нынче не поверят, что запретной для несовершеннолетних была, например, «Великолепная семерка».

Кино, главное дело, просто завораживает звуком! Изумительный рокошущий тембр акустики КИНАП совсем непохож на домашнее радио.

Хотел бы я поделиться воспоминаниями о пресловутых черных «радиотарелках», но не буду кривить душой: в начале 50-х от них по большей части остались только магниты и катушечки, которыми играем мы, дети. В войну ведь приемники полагалось сдать, а после нее – явились трофейные. Вносили, кстати, за приемники абонентскую плату.

У нас стоит большой «Telefunken», который отцу иногда приходится чинить. Внутри аппарат не менее величествен, чем снаружи, со своими солидными металлизированными лампами и репродуктором, затянутым в ткань; я не отрываю глаз от индустриальной красоты. Она кажется даже не функциональной, а сакральной; представляется, что если бы некто скомпоновал совершенно произвольно столь роскошные детали, снабженные подобающими надписями – все-таки не могло не заработать. Вероятно, именно тот восторг подтолкнул меня к радио, которым я и занимаюсь всю жизнь.

Кому приходилось слышать «бархатный» звук старых радиоаппаратов, тот и сейчас отдает ему предпочтение перед чистым, но безжизненным и резким звучанием современной аудиотехники. А посему радио включено почти постоянно и совсем не раздражает. Утром слушаем последние известия: «Третий короткий сигнал будет передан в семь часов

утра... Говорит Москва, передаем повестку дня». Собирают слушателей трансляции футбольных матчей со стадиона «Динамо», начиная от вступительного марша вплоть до заключительных слов: «Вел репортаж Вадим Синявский».

По утрам также – «Пионерская зорька»; я, по малолетству, думаю, что в ней зачитывают содержание газеты «Пионерская правда». Как раз идет XIX съезд партии, постоянно исполняют новую торжественную песню: «Под солнцем Родины мы крепнем год от года, мы делу Ленина и Сталина верны».

Я обожаю передачи для полярной станции «Северный полюс-3», и, заслышав знакомую песенную заставку «Колышется даль голубая», бегу к радио. Передача наполняет гордостью – от косвенной причастности к далеким, но великим делам. Гордостью за страну, которая обращается к своим мужественным сыновьям так, что ее слышит весь мир.

Век немецкого приемника оказался не слишком долговечен, причина известная: дефицит радиоламп. Отец уверял позже, что на Арбате имелся магазинчик, вроде комиссионного, где специально торговали заграничными лампами; интересно бы сейчас узнать, так ли это (он и приврать мог).

Однажды мать говорит:

— Сегодня мы идем смотреть телевидение.

Непонятно, что такое. Направляемся в другой дом; у малознакомых людей собралось человек десять перед невиданным аппаратом. (Кстати, еще и позже было принято приглашать соседей «на телевизор»).

Особого впечатления небывалая техника, как ни странно, не производит. То же кино, только маленькое. Гораздо больше поражает своей эрудицией один из присутствующих: когда сцены перемежаются статичной заставкой, он авторитетно поясняет:

— Занавес!

Но вот минуло с того дня несколько лет, и по множеству затейливых антенн над крышами можно заключить, что телевизор пришел в большинство семей. Передачи начинаются только вечером; киноролик с башней Шухова и гордой песней «И неба синего далекого касаются...» обозначает старт телевидения столицы великой Родины.

Популярны программы для детей: Шустрик и Мямлик с тетей Валей, «Выставбура» (выставка Буратино). Но эти сюжеты интересны разве что для моей младшей сестры, я-то уже большой.

Между прочим, бывший клуб «Знамя» стоит и сейчас. Только фильмы в нем не крутят, конечно; там теперь детский клуб.

«Хрущ»

Доклад Хрущева на XX съезде партии был секретным, информация зачитывалась в партийных организациях. Надо знать то время, чтобы понять: особенно не болтали. Все шло по видимости прежним порядком.

И лишь намного позже, после XXII съезда, появилась в нашем учебнике географии вклейка с новыми названиями городов, а конечная станция «Завод имени Сталина» превратилась в скучную «Автозаводскую». Школьный бюст вождя с жирной девахой на руках («спасибо великому Сталину за счастливое детство») окончательно перекочевал в подвал, где и сгинул.

Но я совру, если скажу, что 1956 год ничем таким не отмечен. Еще как отмечен: фильмом «Карнавальная ночь». С него повеяло «оттепелью», головокружительной свободой. Ничуть не настораживала даже финальная скептическая реплика героя (нарочно не буду напоминать – чтобы пересмотрели сами).

Мы, мальцы, горланам забавные переделки главного шлягера:

«Если вам случайно дали по затылку,

И поступок этот в сердце вам проник...»

И все уверены, что счастье непременно будет.

Тем более что близится Московский фестиваль! Повсюду эмблемы, значки в виде цветка, продаются наборы флагов стран мира, разговорники. Звучат написанные к случаю песни: «И рядом с белой рукою темнеет смуглая рука».

Не буду кривить душой: поведать о самом фестивале мне решительно нечего. Дело в том, что пошли нехорошие разговоры. Мол, экзотические гости фестиваля, того и жди, занесут экзотические болезни. Так что детишек благоразумнее будет убрать из Москвы.

Не исключаю, что такие слухи распространялись с некоторой даже целью.

В итоге, фестивальные дни провел я вне города, у родственников. Может, оно и правильно.

И, однако, зараза из-за железного занавеса проникла. Я имею в виду движение «стиляг». Мы еще малы, чтобы как-то быть замешанными. Буги-вуги «на ребрах», рубашки на выпуск с пальмами и обезьянами, «коки» на головах, узкие и короткие брючки, в которые надо влезать «с мылом» – для нас по большей части сюжеты фельетонов, «протаскивающих» (как тогда говорили) этих кривляк. Бригадмилыцы отлавливают стиляг на улице Горького – «Бродвее». В нашем районе те особенно не появляются, да и к чему? Будут еще показывать пальцем:

— Гляньте, гляньте, стиляга, брюки дудочкой, как в журнале «Крокодил»!

Окраина, что возьмешь...

Но что-то все равно сдвинулось в стране и обществе.

Сейчас Никиту Хрущева вряд ли помянут добром. Не жаловали и тогда, именовали «Хрущ». Не нравилось чрезмерное разоблачение «культа личности» (как-никак, а был авторитет!), расхваленная книжка Солженицына (ну и к чему всякую грязь описывать?), коммунизм в двадцать лет (не верили!). Сенсационные полосы и подвалы в аджубеевских «Известиях» вызывали у старших скорее опасливую настороженность, чем интерес.

То было странное время: взрослые сделались вдруг отчаянными критиканами и циниками; в семьях, на кухнях постоянно брюзжали. Кажется, все-то у нас плохо и иначе быть не может. С удовольствием пересказывали анекдоты про «Никитку».

Не поняли бы того, кто высунулся с чем-то вроде патриотической гордости.

Стояли очереди за кукурузным хлебом, повысились цены на мясо и водку, обмен денег считали очередным надувательством. Но разве это что-то значило для нас, подростков! Важным было совершенно другое.

Абалаковский рюкзак

Мир распахнулся; открылись пространства и пути.

Героями дня стали сверхсекретные ученые (которых все между тем знают и воздают им должное), эрудиты и остряки, изобретающие бомбу и открывающие в Дубне новую частицу анти-сигма-минус. Впрочем, востребованы и лирики, особенно, если выступают в Политехническом.

Геологи спешат в поле, альпинисты в горы, инженеры-физики отправляются на свои полигоны. Выпускники вузов отъезжают на далекую Братскую ГЭС. Обязательно с гитарой и томиком Экзюпери в рюкзаке. Вообще вся страна вдруг куда-то засобиралась: на комсомольские стройки, в Академгородки, где, как говорят, академики окружают себя молодежью. А та, конечно, поголовно талантлива, и вот уже мировые открытия совершаются между шутками... Дома следует держать «абалаковский» рюкзак, ведь дорога может позвать каждую минуту!

Вместо скучноватых казенных радиопередач появилась вдруг блистательная «С добрым утром» Ады Якушевой.

Вообще непонятно, куда бежать и что делать. Читать аксеновский «Звездный билет» в «Юности», «По ком звонит колокол» Хемингуэя, новую поэму Евтушенко, смотреть «Пепел и алмаз» с Цибульским, постановку самодеятельного театра («Вас вызывает Таймыр» Галича), прослушивать на радиоле новый номер звукового журнала «Кругозор» с песнями Новеллы Матвеевой, переписывать на магнитофон Визбора, лететь в МГУ на блистательные лекции математика Фомина... То и дело обнаруживаешь, что вроде бы отстал от других, более развитых, но взалхлеб стараешься догнать. Зато – небывалое ни до того, ни после – ощущение огромных перспектив.

На площади снимают трамвайные рельсы, Калужское шоссе превращается в шикарный Ленинский проспект, а в самом его начале – первый в Москве подземный переход. Запретили звуковые сигналы – унялся постоянный рев автомобильных гудков над московскими улицами.

У новой гостиницы «Россия» галдят яркие иностранцы.

И даже на нашей скромной окраине появился прекрасный магазин «Культтовары», в котором уже продаются первые полупроводники. Нигде нельзя достать пластмассовых мыльниц: в них умельцы наперебой мастерят самодельные карманные приемники. Спорят, какая схема лучше: Васильева, Плотникова или Румянцева. Открыт первый в Москве магазин-автомат; пишут, что скоро все вообще будет достигаться автоматикой. Вот и в метро, вместо бумажных билетиков, турникеты и маленькие латунные жетоны с надписью «Метро».

В моде остроумие, ироничность; царит какой-то особенный стиль, когда без иронии не говорится ничего. Она долженствует быть, конечно, лишь маской, скрывающей ранимость и тонкие чувства.

Уже не вдохновляет поношенный гардероб, а плащ «болонья» (надетый обязательно на белый свитер) – удел редких счастливых, чьи родители приближены к «дефициту». Зато вполне доступны нейлоновые носки ярких расцветок и чуть ли не светящиеся в темноте нейлоновые рубашки, их и надевали потому на романтические летние вечерние гулянья.

Сейчас я не смог бы носить столь скользкую, непроницаемую для воздуха вещь. Бесполезно будет и ехать отыскивать тот, самый первый подземный переход на «Октябрьской» – нет его. Изменились и мы, и время. А этот мой рассказ подошел к концу.

Малая земля

Тогда нам, юнцам, казалось, что в свете новых, великолепных перспектив рутинная жизнь старшего поколения нелепа, должна быть отброшена вместе со скучным и тягостным прошлым. Наша-то жизнь, нет никаких сомнений, развернется уже совершенно иначе.

Мы будем слушать Баха, а не куплеты Мирова и Новицкого (хотя, если честно, то очень смешные). Пить сухое вино с сыром сулугуни, а не водку с солеными огурцами. Вешать на стены эстампы, ставить в комнатах трехногие низкие столики, читать стихи, встречаться с интеллектуальными друзьями в молодежных кафе за утонченной беседой...

Сбылось ли это? В некоторой части – да, если откинуть простительный юношеский максимализм. Во всяком случае, пригодился романтический абалаковский рюкзак!

Но жизнь внесла свои коррективы. И теперь, оглядываясь назад, мы понимаем и принимаем жизнь родителей.

Взамен их военных трудностей – на нашу долю пали свои невзгоды, не все их вынесли. Проходя по маршрутам и ориентирам «малой земли», я вспоминаю, что многих сверстников уже и нет.

В память тех, кто ушел, и ради тех, кто остался и помнит нашу «малую землю», писал я эти строки.